

УДК 82-1/29

Э. М. Афанасьева

МОТИВ ИМЕНИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Мотив «утаенной любви» – одно из спорных явлений в истории пушкинистики. В данной статье предлагается анализ его эстетической природы. За основу берется категория романтической тайны и ее освоение в ранний период творчества Пушкина. Мотив имени исследуется в соотношении с онтологической триадой «имя – личность – бытие» на примере стихотворений «К живописцу» (1815) и «Осеннее утро» (1816).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, любовная лирика, онтология имени, мотив.

E. M. Afanasjeva

THE MOTIVE OF THE MISTRESS' NAME IN THE LYCEUM LYRICS OF A. S. PUSHKIN

Both texts stand out among the love lyrics of Pushkin 1815–1816, for which unrequited love is an important part. In the unmentioned poems such situation is not included. In the message «To painter» a lyrical portrait of idealized heroine is recreated, at the end of the poem there is a promise to write her name. The lyrical elegy «Autumn morning» is based on the experience of parting with the beloved.

The love lyrics is performative by its nature. The lyrical event represents such a type of emotional experience when «I» releases an attitude to «another I». In this way «another I» is given in the situation of «my» attitude to it. In the early lyrics of Pushkin the signal of heart mystery disclosure or of overfilling emotions is a

dear name. In the poem «To painter» the lyrical character aims to recreate the character of the beloved through the reference to the ancient names, under which the mythological association is hidden. The beloved becomes similar to Hebe, the Goddess of eternal youth, and Venus, the Goddess of love and beauty. The name of the Goddess is not mentioned, it can potentially exist only outside the lyrical event. In the elegy «Autumn morning» there is a fact of name verbalization, it is mentioned but remains unknown to the receiver (reader). The hero calls the beloved and the sound of his voice broadens the borders of the beloved absence. The model of time and space name being appears in the poem, when the world is measured with its ontological possibilities. The conflict situation is formed within the insuperable distance between the name and its owner.

In the poems «To painter» and «Autumn morning» the lyrical intrigue is in that the name is not mentioned. Preterition in the lyceum period of Pushkin's works becomes the source of romantic aesthetics formation. On the first phase of the motive development it is explained by the shyness of the hero. At the same time Pushkin comprehends the situation of the ontology unity deformation between the name and its owner, when the name being doesn't coincide with the hero being.

Keywords: A. S. Pushkin, love lyrics, ontology of name, motive.

Многочисленные послания К***, загадочные инициалы, обращения к N. N. стали сферой романтического табу на имя возлюбленной, часто интригующей читательскую публику. Знак «К*» (К со звездочкой), пришедший на смену условным литературным Хлоям, Лаисам, Маинам XVIII века, не только создавал основу для поэтики намека, но и оказался воплощением романтического комплекса «имя звезды» (другой вариант с оценочным акцентом – «беззаконная комета»). Древнейшие астральные мифы о переселении людских душ на небеса, сошествии звезды на землю и о покровительстве путеводного светила на протяжении земной жизни человека определили характер романтической тоски по идеалу.

Расшифровка имени возлюбленной в стихотворениях А. С. Пушкина о любви долгое время определяла интригу литературоведческих разысканий. Намек на адресата, присутствующий как в тексте, так и в контексте (в документальных свидетельствах писателя или его окружения), становился предметом научных дискуссий о возможной сердечной привязанности поэта. Базовой методикой была методика биографического анализа. Итогом более вековой исследовательской традиции стал сборник 1997 года «Утаенная любовь Пушкина» [15]. В предваряющих издание статьях Р. В. Иезуитовой ««Утаенная любовь» в жизни и творчестве Пушкина» [15, с. 7–33] и Я. Л. Левкович «Донжуанский список Пушкина» [15, с. 34–50] восстановлена история функционирования мотива в творчестве писателя и его интерпретация в пушкинистике конца XIX–XX веков. Упомянутый сборник объединил концепции О. М. Гершензона, П. Е. Щеголева, П. К. Губера, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского, Л. П. Гроссмана, Т. Г. Цявловской, Г. П. Макогоненко, М. Яшина. Постепенно расширялся круг предполагаемых адресатов, возникали версии о «северной» и «южной» любви. Б. В. Томашевским были определены «аристократические» и «демократические» версии сердечных увлечений Пушкина [14, с. 262], дополненные Р. В. Иезуитовой «монархическими» гипотезами о влюбленности поэта в царствующих особ (см.: [14, с. 30–31]).

Эстетико-теоретическая линия в исследовании мотива «утаенной любви» связана с выявлением закономерностей художественного наследия Пушкина. Она часто сопутствовала биографическим разысканиям. Например, Г. П. Макогоненко в любовной лирике Пушкина 1823–1830 годов условно выделяет две группы стихотворений. Первая – это тексты, прямо

или косвенно обращенные к названной или подразумеваемой женщине («М. А. Голицыной», «Е. Н. Ушаковой», а также «К***») («Я помню чудное мгновенье...»), непосредственно переданное поэтом А. П. Керн, или «Что в имени тебе моем?», записанное в альбоме К. Собаньской). Вторая группа текстов – любовные стихотворения, не допускающие биографического комментария и обнаружения адресата: «все, что нужно читателю для понимания авторского замысла, содержится в самом поэтическом строе стихотворения, в его образной структуре» [11, с. 76]. По большому счету, формула, обозначенная исследователем, универсальна. Художественный мир произведения являет собой самодостаточное эстетическое целое для диалога автора с читателем.

Теоретический аспект интерпретации мотива «утаенной любви» был обозначен Ю. М. Лотманом, который обратил внимание на природу поэтической игры автора с читателем. По мнению исследователя, романтическая модель поведения провоцировала житнетворчество: «использование личных писем с целью толкнуть читателей к догадкам относительно биографического смысла тех или иных стихов стало для Пушкина южного периода такой же системой, как многозначительные умолчания и пропуски в текстах, имеющие целью не скрыть интимные чувства автора, а привлечь к ним внимание» [10, с. 48]. Подобного рода выводы позволили представить методику сопоставления художественного текста и сопутствующих ему документов в соотношении с сознательной авторской стратегией, провоцирующей эстетическую интригу [13; 14].

В данной работе мы обратимся к выявлению эстетических закономерностей мотива сокрытия имени в стихотворениях о любви. Уже в лицейский период Пушкин активно осваивает онтологические возможности имени [3]. В любовной лирике Пушкина имя часто соотносено с категорией тайны. Именно тайна создает условие для эстетического переживания и эмоционального напряжения. В возникающем коммуникативном пространстве формируется иллюзия возможности разгадки не столько через воссоздание/восприятие образа героини, сколько в намеке на саму возможность вербализации невербализуемого.

Значительную роль в формировании любовной эстетики А. С. Пушкина сыграли стихотворения 1815–1816 годов. Как уже отмечено в пушкинистике, они создавались под воздействием влюбленности в Екатерину Бакунину, сестру одного из лицеистов [6, с. 435–438]. В это время начинающий поэт, с одной стороны, активно вводит женские имена в стихотворные тексты, с другой – экспериментирует с поэтикой намека. Во втором случае эстетическое воплощение номинологического мотива соотносится с ситуацией произнесения и написания дорогого слова, между тем, само имя остается неизвестным. Отдельного внимания заслуживают стихотворения «К живописцу» (1815) и «Осеннее утро» (1816). Оба текста выделяются на фоне любовной лирики 1815–1816 годов, характерной чертой которой является безответное чувство. В названных стихотворениях нет подобного рода безысходности. В послании «К живописцу» воссоздается образ идеальной красавицы. В основе лирической ситуации «Осеннего утра» – переживание расставания с возлюбленной и надежда на предстоящую встречу.

В стихотворении «К живописцу» возникает словесный портрет героини, чье совершенство уподобляется Гебе, античной богине вечной юности, и Венере, богине любви и красоты [9]. В финале появляется намек на потенциальное раскрытие имени возлюбленной:

К ЖИВОПИСЦУ

*Дитя Харит и вображенья,
В порыве пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;*

*Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.*

*Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.*

*Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.*

*Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу. [12, т. 1, с. 174]*

В интерпретации античных образов послания, опубликованного при жизни поэта в «Памятнике отечественных муз на 1827 год», мнения пушкинистов разделились. Лицейский текст соотносят с творчеством Э. Парни [1, с. 61; 6]. Есть также мнение, что в стихотворении передается обобщенный антологический колорит [18, с. 113]. **Античные имена в послании «К живописцу»** формируют своего рода номинологическое «уплотнение смысла». За конкретным именем проступает круг мифологических ассоциаций, что является основой создания совершенного образа героини с намеком на эротизм. За творческим вдохновением, проецируемым на живописца, скрывается порыв «пламенной души» и самого лирического героя. «Краса невинности прелестной» возлюбленной обладает силой, провоцирующей созерцательное любовное утончение телесностью. В финале стихотворения появляется мотив мечтательной «стыдливой любви». В этом контексте вводится обоснование мотива сокрытия имени: «Рукой любовника счастливой // Внизу я имя подпишу».

Ситуация сокрытия имени, мотив тайны, прием умолчания уже в лицейский период становятся истоком формирования романтической эстетики. В этих приемах постепенно оттачивается интрига, характерная для любовной лирики Пушкина. В ее основе – проблема взаимодействия художественной реальности с реальностью жизненной. Прием намека на возможное имя становился эстетической пружиной, которая провоцировала создание многочисленных

догадок и гипотез об адресатах. Стоит обратить внимание на то, что на первом этапе разработки мотива авторское обоснование ситуации утаения имени связано с образами стыдливой любви и застенчивого влюбленного.

В элегии «Осеннее утро» данный мотив получает иную реализацию. Здесь есть факт вербализации имени, оно звучит, но остается неизвестным реципиенту. Динамика душевных переживаний лирического героя соотносится с ритмом суточного и годового течения времени. Начинается элегия с мотива пробуждения героя с воспоминанием о дорогом образе:

*Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье. [12, т. 1, с. 198]*

Мотив пробуждения служит основой субъективного уплотнения времени: герой с ночи до утра пребывает под впечатлением от душевных переживаний. Сновиденческий образ переносится в «реальность», и эта ситуация служит основой лирического переживания. Герой стремится обнаружить возлюбленную, которой нет рядом. Весь мир воспринимается им с позиции утраты, когда настоящее проверяется прошлым:

*С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день –
А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной. [12, т. 1, с. 198]*

Элегический пейзаж психологизируется, являясь фоном отражения эмоционального состояния героя. В этом контексте появляется мотив имени возлюбленной, который мифологизирован за счет его включения в античный миф об эхе:

*Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее – и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали. [12, т. 1, с. 199]*

П. Е. Щеголев возвел данный мотив к поэзии Э. Парни [17], В. В. Виноградов соотносит этот фрагмент текста Пушкина со стихотворением К. Н. Батюшкова «Воспоминания» [7, с. 187]. Безысходность ситуации, когда лирический герой после расставания с возлюбленной стремится вернуть ее, в пушкинской элегии распространяется во времени и пространстве. На смену зрительным образам в «Осеннем утре» приходит аудиальный: герой зовет героиню, и звук ее имени расширяет границы ее отсутствия, завоевывая пространство при помощи эха. В этой элегии едва ли не впервые проявлен мотив, который впоследствии определит законы взаимодействия имени с мирозданием в пушкинской поэтике. В стихотворении возникает мо-

дель пространственно-временного бытия имени, мир измеряется и завоевывается его онтологическими возможностями. В лицейский период Пушкин осваивает этот мотив в диалоге с предшествующей традицией, в частности, со стихотворением К. Н. Батюшкова:

*В столице роскоши, среди прелестных жен
Я пенье забывал волшебное сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона,
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона. [5, с. 199]*

Пространственная организация данного фрагмента стихотворения Батюшкова определяется пространственно-временной парадигмой. Имя возлюбленной звучит по всей Британии: от рощ Британских островов до полей Ричмона, поселения, находящегося недалеко от Лондона. Подобная траектория звучания имени присутствует и в элегии Пушкина. Оно преодолевает множество препятствий в «глуши лесов» и вырывается из замкнутого пространства на простор долин.

Сохранилась пушкинская переработка элегии «Осеннее утро», в которой мотив эха представлен в ином варианте:

*Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной,
Я звал ее – лишь глас уединенный
Пустых долин [откликнулся] вдали. [12, т. 1, с. 381]*

Как отметил Б. П. Городецкий, эта поправка «усиливает настроение утраты и безнадежности. Смысл первоначальной редакции: поэт звал любимую, и вместе с ним позвало ее и эхо. Смысл окончательной редакции: поэт позвал любимую, но ответа не было, откликнулось одно лишь эхо» [8, с. 137]. В данном случае возникает мотив явленного в себе самом звука. Это усиливает драматизм ситуации оторванности имени от его носителя. Зов, развоплощенный в мироздании, зов, слившийся с эхом, подчиняет себе эмоционально-акустические возможности героя, который не в силах «докричаться» до возлюбленной и вернуть ее.

Мотив «имени на устах» в творчестве Пушкина найдет воплощение в произведениях романтического периода. В стихотворении 1821 года «Умолкну скоро я...» воссоздается ситуация смерти героя с именем возлюбленной на устах:

*Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!... [12, т. 2, 1, с. 208]*

В поэме «Цыганы» Алеко во сне обнаруживает сердечную тайну: «Но тише! слышишь? Он // Другое имя произносит...» [12, т. 4, с. 191]. В эпилоге поэмы также возникает мотив непроизвольного воспроизведения «нежного имени»:

*В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил. [12, т. 4, с. 203]*

Любовная лирика по своей природе перформативна. Лирическое событие представляет такой тип душевных переживаний, когда «я» раскрывает свое отношение к «другому я». Таким образом, «другое я» дано в ситуации «моего» отношения к нему. В ранней лирике Пушкина знаком обнаружения сердечной тайны или переполняющих эмоций становится дорогое имя. С одной стороны, поэтом осваиваются ситуации умолчания и эстетического намека. С другой стороны, сама природа имени, в котором содержится «магия призывания», оказывается в конфликтной ситуации. Герой зовет возлюбленную, которая не откликается на этот зов. Имя воплощение может завоевывать грандиозные пространства, но так и не достичь желаемого результата – отклика на имя. В этом случае возникает эстетическое дистанцирование между именем и его носителем, что определяет одну из конфликтообразующих ситуаций пушкинской поэтики. Мотивы записанного и звучащего имени актуализируют онтологические возможности слова, когда оно, явленное в букве или звуке, соотносится и с мироощущением героя, и с его мировосприятием.

Литература

1. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. – М.: Современник, 1984. – 476 с.
2. Афанасьева Э. М. Генеалогическая пара «дядя и племянник»: к проблеме формирования персонального мифа в лирике А. С. Пушкина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 119–125.
3. Афанасьева Э. М. Мифологема родового имени в лицейской лирике Пушкина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – Декабрь. – С. 7–11.
4. Афанасьева Э. М. Онтология имени в лирике А. С. Пушкина 1825–1830-х годов: «Желание славы» и «Что в имени тебе моем?» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 251–260.
5. Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. – М.; Л.: Наука, 1964. – 353 с.
6. Вацуро В. Э Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 1: Лицейские стихотворения 1813–1817. – С. 435–438.
7. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М.: Художеств. литература, 1941. – 620 с.
8. Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. – М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1962. – 466 с.
9. Лившиц В. «Сокрытая прелесть Альбана»: (За пушкинской строкой) // Новая Россия. – 1996. – № 1. – С. 102–103.
10. Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы» (текст, функция) // Проблемы пушкиноведения: сб. науч. тр. – Л.: РГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – С. 40–54.
11. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). – Л.: Художеств. литература, 1974. – 376 с.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
13. Сурат И. З. Личный опыт в лирике Пушкина и проблема построения биографии поэта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 59 с.
14. Томашевский Б. В. Владислав Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. – Кн. 1: Мысль. – Л., 1924 [рецензия] // Русский современник. – 1924. – № 3. – С. 262–263.

15. «Утаенная любовь» Пушкина: сб. ст. – СПб., 1997. – 493 с.
16. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 50 с.
17. Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники: мат-лы и исслед. – СПб., 1911. – Вып. 14. – С. 98–100.
18. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1941. – Вып. 6. – С. 92–159.

Literatura

1. Annenkov P. V. Materialy dlja biografii A. S. Pushkina. – М.: Sovremennik, 1984. – 476 s.
2. Afanas'eva E. M. Genealogicheskaja para «djadja i plemjannik»: k probleme formirovanija personal'nogo mifa v lirike A. S. Pushkina // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 16. – S. 119–125.
3. Afanas'eva E. M. Mifologema rodovogo imeni v licejskoj lirike Pushkina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 329. – Dekabr'. – S. 7–11.
4. Afanas'eva Je. M. Ontologija imeni v lirike A. S. Pushkina 1825–1830-h godov: «Zhelanie slavy» i «Chto v imeni tebe moem?» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 251–260.
5. Batjushkov K. N. Poln. sobr. stihotvorenij. – М.; Л.: Nauka, 1964. – 353 s.
6. Vacuro V. Je Licejskoe tvorcestvo Pushkina // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 20 t. – SPb.: Nauka, 1999. – T. 1: Licejskie stihotvorenija 1813–1817. – S. 435–438.
7. Vinogradov V. V. Stil' Pushkina. – М.: Hudozhestv. literatura, 1941. – 620 s.
8. Gorodeckij B. P. Lirika Pushkina. – М.; Л.: Izd-vo Akademii nauk, 1962. – 466 s.
9. Livshic V. «Sokrytaja prelest' Al'bana»: (Za pushkinskoj strokoj) // Novaja Rossija. – 1996. – № 1. – S. 102–103.
10. Lotman Ju. M. Posvjashhenie «Poltavy» (tekst, funkcija) // Problemy pushkinovedenija: sb. nauch. tr. – L.: RGPI im. A. I. Gercena, 1975. – S. 40–54.
11. Makogonenko G. P. Tvorcestvo A. S. Pushkina v 1830-e gody (1830–1833). – L.: Hudozhestv. literatura, 1974. – 376 s.
12. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 16 t. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.
13. Surat I. Z. Lichnyj opyt v lirike Pushkina i problema postroenija biografii pojeta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – М., 2001. – 59 s.
14. Tomashevskij B. V. Vladislav Hodasevich. Pojeticheskoe hozjajstvo Pushkina. – Kn. 1: Mysl'. – L., 1924 [recenzija] // Russkij sovremennik. – 1924. – № 3. – S. 262–263.
15. «Utaennaja ljubov'» Pushkina: sb. st. – СПб., 1997. – 493 s.
16. Shemetova T. G. Biograficheskij mif o Pushkine v russkoj literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – М., 2011. – 50 s.
17. Shchegolev P. E. Iz razyskanij v oblasti biografii i teksta Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki: mat-ly i issled. – SPb., 1911. – Вып. 14. – С. 98–100.
18. Jakubovich D. P. Antichnost' v tvorcestve Pushkina // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. – М.; Л., 1941. – Вып. 6. – С. 92–159.